

АННА ВОЗЬНЯК

ЗИНАИДА ГИППИУС О ПОЛЬСКОЙ ЭПОПЕЕ 1920 ГОДА

Исследование проблематики русской эмиграции в Польше, к счастью, хотя ведется относительно недавно, то уже принесло свои значительные результаты. Подспорьем в этом процессе являются работы, как польских, так и русских исследователей этой темы. Небольшая заинтересованность этим вопросом в прошлом была связана с мнением, что русская эмиграция в Польшу после октябрьской революции, по сравнению с эмиграцией русских в другие европейские страны, в Берлин, Париж, Прагу и т.д. была не столь масштабна. Преобладает убеждение, что Варшава была бедным культурным, научным и интеллектуальным центром по сравнению с другими эмигрантскими центрами, хотя бы с Прибалтикой, Балканами, и поэтому об этом городе как центре русского рассеяния в зарубежных исследовательских работах, как правило, редко упоминается¹.

Одним из таких спорных вопросов является хотя бы численность русских эмигрантов в Польше. Итак, оказывается, что уточнить число эмигрантов русской диаспоры не только в Польше², но также и в других стра-

PROF. DR HAB. ANNA WOŹNIAK – kierownik Katedry Literatury Rosyjskiej w Instytucie Filologii Słowiańskiej KUL; adres do korespondencji: Al. Raławickie 14, 20-950 Lublin; e-mail: anewoz@kul.lublin.pl

¹ Ср., например, В. В. Агеносов, *Литература Русского зарубежья (1918-1996)*, Москва 1998. О Варшаве как центре эмиграции здесь вовсе не говорится. А. Г. Соколов, *Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов*, Москва 1991, с. 42; А. В. Млечко, *Литературная, культурная и общественная жизнь русского зарубежья (1920-1930-е годы): течения, объединения, периодика и издательские центры*, в: *Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие*, под общей ред. А. И. Смирновой, Москва 2006, с. 11-35.

² См. работы: Т. М. Симонова, *Российская диаспора в Польше в 1920-1924 гг.*, в: *Национальные диаспоры в России и за рубежом XIX-XX вв.*, Москва 2001; Е. Б. Робкова, *Русские в Польше в 20-е гг.*, в: *Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения*, Москва 1997; см. тоже: О. Рогозинская, *Русская литературная эмиграция в межвоенной Польше*

нах русского рассеяния затруднительно³, ввиду разных статистических данных: польские исследователи, среди них А.П. Мохоля в своей работе *Задрутники*⁴, определяет число русских в Польше на около 100-120 тысяч человек (в то время как в Чехословакии – около 25 тысяч); Бронислав Кодзис в своей книге называет – по официальным статистическим данным – число около 50 тысяч человек в Варшаве в начале 1920-х годов⁵, кроме того – включая этническое меньшинство – не меньше 90 тысяч, т.е. в общем, число русских составляло 140 тысяч⁶. Б. Кодзис русскую диаспору межвоенного периода в Польше считает самой крупной на фоне стран Средней Европы. Исследователь при этом определяет причины меньшей значимости Польши как центра эмиграции, – одной из которых

ше, „Studia Rossica” 3(1996), с. 83-90; Л. З в о н а р е в а, *Европа и Россия в 1920 году: Взгляд из Варшавы* Зинаиды Гиттиус и Дмитрия Мережковского, „Studia Rossica” 2000, z. 10, s. 63-73; I. O b ł a k o w s k a - G a l a n c i a k, *Из истории русской эмиграции. Проект литературной академии*, „Studia Rossica” 1997, z. 5; она же, *Из истории русской эмиграции («Тaverna поетов» Варшава 1921-1925)*, „Studia Rossica” 1996, z. 3; J. K u l c z y c k a - S a l o n i, *Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia*, „Przegląd Humanistyczny” 1993, nr 1.

³ Ср. Ю. И в а с к, *Письмо из Ревеля. Публикация А. Данилевского*, в: *Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация*, ред. А. Данилевский, С. Доценко, Tartu 1997, с. 376. Автор пишет, что в начале 30-х гг. в Эстонии жило 92 тысячи русских, из них 10 тысяч русских эмигрантов (остальные это были эстонские граждане). В Латвии в начале 20-х гг. численность русского населения была близка к 200 тысячам человек, в том, конечно, было «национальное меньшинство» (12 % всего населения) – см. Ю. А б ы з о в, *Латвийская ветвь российской эмиграции*, в: *Блоковский сборник. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора*, Tartu 1996, с. 283. В свою очередь Королевство СХС (Югославия) приняло до 44 тысячи беженцев в начале 20-х гг. – см. А. А р с е н ь е в, *Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920-1944 гг.*, там же, с. 309-310; см. также: И. С а в и ц к и й, *Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919-1939 гг.*, в: *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Сборник докладов*, Praha 1995, с. 46-53.

⁴ См. А. Р. М о c h o l a, „Zadrutniki”. *Z historii emigracji rosyjskiej w Polsce (1919-1945)*, <http://www.mochola.org/russiaabroad/mochola/zadrutpl.htm> (25.08.2010). Термин «задрутники» обозначал инитернированных русских в лагерях в Польше в 1919-1924 гг.

⁵ Ср. А. В. Б е р т а ш, *Православная Варшава в 1920-1930-е гг.*, в: *Зарубежная Россия. 1917-1939. Книга 2. «Лица России»*, Санкт-Петербург 2003. Ученый называет число 36 тысяч человек русского населения в Варшаве в 1913 году. Там же, с. 123.

⁶ Б. К о д з и с, *Литературные центры русского зарубежья (1918-39)*, München 2002, с. 153. Одновременно опровергается здесь мнение некоторых русских исследователей, в частности, М. Илова (*Русские в Польше*, «Новый журнал» 1990, № 179, с. 260), что общее число русских, проживавших в Польше в межвоенный период, было намного больше, даже определялось численностью несколько миллионов человек. Там же, с. 153.

является недоброжелательное восприятие и отношение поляков к русским, представителям „бывшей царской империи” и „защитникам ее империальных устремлений”, что сводится, в видении польского исследователя, к общему антирусскому настроению⁷. Существенна в этом плане также ситуация и жизнь интеллектуальной элиты самой Польши, которая только что возродилась после „длительного чужеземного ига”. Следует отметить, что русская диаспора в Польше как минимум на протяжении 20 лет, вплоть до Второй мировой войны, оставила неоспоримый след и вклад в культурные достижения русской эмиграции „первой волны”⁸.

В свою очередь, о чем писала Ольга Демидова в статье *Русская эмиграция в Польше (1919-1944)*, опираясь на сведения из архива Анатолия Вельмина, общая численность русских эмигрантов в Польше перед Второй мировой войной определялась цифрой 10-15 тысяч человек, среди которых преобладала интеллигенция и полуинтеллигентные классы⁹, что и наблюдалось также в других странах русского рассеяния¹⁰. В обсуждении вопроса русской послереволюционной эмиграции кроме того немаловажную роль имеют громадные различия между эмигрантскими центрами¹¹. Польша в этом контексте опять отличается от других центров, в ней не было широкой русофильской прослойки и намерения сохранить русскую культуру, как, например, в Чехословакии¹², отсутствовала какая-то особая „русская политика” параллельная хотя бы проекту президента Томаша Масарика, но существовало только одно желание борьбы с большевиками. Не отмечено также среди польских кругов особого ощущаемого гостеприимства как в Югославии¹³, или вообще усиленного интереса к русской диаспоре, если иметь ввиду задачи использования ее интеллектуального потенциала. После освобождения от ига Польша только что воскресла, как Феникс из пепла и цели ее были в тот момент другие – во что бы то ни стало сохранить свою назовисимость, хотя – надо подчеркнуть – по

⁷ Там же, с. 153-154.

⁸ Там же, с. 169.

⁹ См. О. Демидова, *Русская эмиграция в Польше (1919-1944)* (Из архива А. П. Вельмина), „Slavia Orientalis” 49(2000), nr 2, с. 227.

¹⁰ И в а с к, *Письмо из Ревеля. Публикация А. Данилевского*, с. 376.

¹¹ С а в и ц к и й, *Этапы развития пражской русской эмиграции*, с. 46.

¹² Там же, с. 49, 51.

¹³ А р с е н ь е в, *Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920-1944 гг.*, с. 310.

отношению к эмигрантам она в принципе вела себя как цивилизованная европейская страна, главным образом в правовом смысле. В этом безукоризненном правовом отношении поляков к русским-эмигрантам нас убеждает также и картина, данная З. Гиппиус в ее мемуарах. Заранее скажу, что, по моему мнению, как Мережковский, так и Гиппиус все-таки совершенно по-другому, чем сами поляки видели эту цель Польши, так никогда ее не осознав. Таким образом, надежды Мережковских на победу над большевиками не могли осуществиться, так как ненависть к имперриальной России и угроза большевизма заставили Польшу, в это время почти единственную страну Средней Европы, борющуюся с большевиками, думать, прежде всего, о своем будущем, о покое и развитии разоренной страны. (Кстати, надо уточнить, что с красными отрядами сражались в Сибири и вооруженные силы Чехословакии¹⁴).

В эту сложную картину русской эмиграции и тоже нелегкой польской обстановки вписывается З. Гиппиус со своими мемуарами и дневниками, а также собственным видением периода пребывания Мережковских в Польше. Писательница информирует как о польской ситуации 1920 года, так и жизни русской диаспоры в Польше, жившей в основном в Варшаве, но также и в других городах, в это время польских: Бобруйске, Минске и Вильне. Записки Гиппиус важны в том смысле, что они укладываются в своеобразный мемуарный материал и парадигму воспоминаний-сведений, воссоздаваемых как будто вторично по записям собственного дневника, *Варшавского дневника*, и по памяти чувств¹⁵. Их автор все же известная писательница, отлично знающая Россию и Европу, жившая некоторое время в самом центре текущих политических событий, ожидаемой войны и окончательной расправы поляков с советами. Гиппиус была вни-

¹⁴ СавицкиЙ, *Этапы развития пражской русской эмиграции*, с. 46.

¹⁵ Записки Гиппиус возникали своим путем. Она вела дневник, касающийся варшавских событий, но странным образом – в Польше были написаны только 7 записок, в том 6 в Варшаве (с 1 ноября 1920 по 26 марта 1921), одна в Гданске (11 августа), остальные 9 записок созданы в Париже. Фактически эти записки представляют по форме воспоминания. Ср. I. К р у с к а, „*Dziennik Warszawski*” *Zinaidy Gippius*, „*Studia Rossica*” 13(2003), с. 87. Записи в части *Польша 1920-го года* также составляют часть книги *Дмитрий Мережковский*, написанной года через два после смерти мужа в 1943 г., и повторяют сведения, в общем буквально, *Варшавского дневника*. Таким образом, все это в преобладающей части – воспоминания (как часто бывает у Гиппиус). См. тоже: I. К р у с к а - М і с h н о w s k а, *O dziennikach Zinaidy Gippius*, „*Studia Rossica*” 2006, z. 17, s. 297-315; она же, *Polska i Polacy w emigracyjnych dziennikach Zinaidy Gippius*, w: *Stowianie Wschodni. Literatura, język, kultura*, red. B. Kodzis, M. Giej, Opole 2010, s. 339-345.

матерным и чувствительным, неимоверно эмоциональным летописцем событий и собирателем общественных настроений, чье свидетельство, естественно, становится дополнением к весьма важному для поляков периоду борьбы с большевизмом и пресловутому „чуде на Висле”, отображая взгляд как будто „с другого берега”.

Как известно, Мережковский и Гиппиус вместе с их другом и единомышленником, Д. Философовым и начинающим поэтом В. Злобиным под предлогом лекций „по истории литературы и искусства среди красноармейских частей” в Гомеле, уехали из Петрограда 24 декабря 1919 г. и нелегально пересекли польскую границу. На самом же деле, они перешли фронт, который отделял два мира, мир возрождающейся Польши на полях сражений и мир Совдепии¹⁶. В Польше Мережковские прожили всего десять месяцев, с конца декабря 1919 до 20 октября 1920 года. Этот период Б. Кодзис называет, не без оснований, „кратковременным эпизодом” в эмигрантской жизни Мережковских¹⁷. Сама же Гиппиус определяет время жизни в Польше как „польскую эпопею”¹⁸ и это определение наполнено глубоким смыслом, ибо Варшава была местом подъема веры и символом политических надежд для русской писательницы.

Основная же цель Мережковского и Гиппиус – это борьба с большевиками изо всех сил, о чем они постоянно говорили в читаемых ими лекциях на тему жизни в Советской России, заявляли в интервью, даваемых в ежедневных газетах, в основном, в „Виленском курьере” и газете „Nasz Kraj”. Польская пресса сообщала радушно о прибытии в Минск и Вильно „группы известных писателей и литераторов”. Эта же ненависть к большевизму и была главной причиной их бегства из родины, сопутствовала им также и в польском периоде жизни, в которой доминантой действий было победить большевиков при помощи Польши и маршала Юзефа Пилсудского. Есть еще один интересный факт в политических планах Мережковских, свидетельствующий об их вере в силу поляков, а с другой стороны, иллюстрирующий их определенную политическую наивность. Итак, желая добиться смены советской системы в России при помощи Польши, которую они считали страной „потенциальной всеобщности”, они были

¹⁶ См. П. Лавриненц, *Мережковский, Гиппиус, Философов: три Виленских интервью*, <http://www.guelman.ru/frei/dictant/Materials/Lavrinc.html>, с.1 (10.09.2010).

¹⁷ Кодзис, *Литературные центры русского зарубежья*, с. 161.

¹⁸ З. Гиппиус, *Польша 1920-го года*, в: З. Гиппиус, *Ничего не боюсь*, Москва-Варгнус 2004, с. 220.

убеждены в том, что это было вполне возможно (о чем, кстати, утверждал Мережковский в газете „Nasz Kraj, 1920, пг 46, заявляя, что „смена строя»” обеспечит возможность фильтрации в Европу действительно отлично организованной идеи разрушения”). З. Гиппиус в *Варшавском дневнике* (16 ноября 1920) также не сомневалась в этом проекте, созвучно мужу оптимистически поясняя: „свергнуть большевиков можно (и даже нетрудно)” при помощи регулярной армии самостоятельно воюющего государства¹⁹. Других же планов у них, кроме антибольшевистского погрома, связанных с Польшей, вовсе не было, они не предъявляли ни особенного интереса к Польше, по существу им незнакомой, к ее культуре и истории. Их временной интерес к польским делам был продиктован лишь собственными политическими задачами. Поэтому Варшава, я бы сказала, на самом деле сыграла лишь посредственную роль в сознании Мережковских, как помощника, „чудесного помощника”, который, по мнению писательницы, не до конца выстоял в своей сказочной функции в сражении с советской Россией. Когда это основное дело жизни пропало, Гиппиус намного сильнее чем муж переживала крушение надежд и поражение сугубо утопических планов. Нельзя, однако, отрицать в высказываниях русской поэтессы ее положительное и полное сочувствия отношение к польским делам и злободневным проблемам воевавшей с советской Россией Польши. В ее первичных чувствах к полякам была, наконец, просто симпатия, иногда восхищение польской традицией.

Гиппиус писала в воспоминаниях *Польша 20-го года* об обязанности и долге, своем и мужа²⁰: „Общее положение наше было такое: мы все прежде всего были заряжены стремлением бороться с большевиками”. „Польша одна боролась против большевиков. Мы должны были быть с Польшей. И были с ней по всей совести”²¹. Говоря об отношении к Польше и „политике”, которой увлеклись Мережковские и Философов после выезда из Петрограда, Гиппиус все-таки во многом вторит своим мужчинам, повторяя буквально их мнения и оценки ситуации (мнение В. Злобина „Оплодотворяет” она, рождает он, в данной ситуации сомнительно, а вопрос, кто был „генератором” идей, в данном случае праздный). Приведу один показательный пример. Когда Мережковский и Философов участвовали в беседе с редактором и издателем газеты „Nasz Kraj” Ю. Сумороком

¹⁹ Гиппиус, *Эмиграция 1920-1941*, в: Гиппиус, *Ничего не боюсь*, с. 230.

²⁰ Гиппиус, *Польша 20-го года*, с. 196.

²¹ Там же, с.199.

на тему ситуации в России (1920, № 46 [255], 25 lutego), то автор *Юлиана Отступника* утверждал, что:

Польша сегодня единственный активный фактор в Европе, как организм, развивающийся в государство. Польша образует сегодня вал от затопления Европы большевизмом. Поэтому роль Польши исключительно ответственна²².

А в газете „Виленский курьер” (1920, № 244, 28 февраля), пребывая в Вильне, Мережковский еще сильнее подчеркивал значение Польши как центра борьбы для дела победы над большевизмом, заявляя, что:

[...] будущее России зависит от ее отношений с Польшей. Только тесная связь с Польшей, только признание исторических прав Польши на ее территорию – может служить основой для более тесного сближения двух народов, и почем знать, для дальнейшего сближения всего славянства. [...] центр политической жизни теперь в Варшаве, и мы спешим туда²³.

Кстати, польские круги, в частности, Эугениуш Сверчевский, редактор газеты „Nasz Kraj” упрекали русского писателя в мессианизме России как Христа народов²⁴, о чем говорил Мережковский в прочитанной им лекции о Мицкевиче²⁵.

В своих воспоминаниях З. Гиппиус высказывала аналогичную политическую точку зрения с Мережковским, касающуюся Польши, однако, выдержанную уже в высоком стиле:

Не сговариваясь, мы одинаково отнеслись к Польше, к полякам. Д.Ф. напечатал у Гзовского, что спор о границах 72-го года сейчас спор праздный,

²² Цит. по: *Мережковский и Философов о положении в Совдепии*, http://www.russianresources.lt/archive/Mer/Mer_1.html, s. 1 (12.09.2010).

²³ Цит. по: *Беседа с Д.С. Мережковским*, <http://www.guelman.ru/frei/dictant/Materials/Lavrinesc.html>, с. 7 (12.09.2010). В той же газете в «Виленском курьере» имела место также беседа с З. Гиппиус по литературным вопросам, положения писателей в условиях революции в «Совдеповском Петрограде», места и роли женщины в революции, цензуры, молчания писателей. См. http://www.russianresources.lt/archive/Gipgi/Gip_1.html, s. 1 (12.09.2010).

²⁴ П. Л а в р и н е ц, *Мережковский, Гиппиус, Философов: три Виленских интервью*, с. 3.

²⁵ В Варшаве имел место спор Карла Радека и Льва Гомолицкого на тему русской эмиграции. К. Радек говорил о малом значении русских эмигрантов. См. W. S k r u n d a, *Zamysł poematu Lwa Gmoliczkiego „Warszawa” w świetle inwektyw Karola Radka i nauk mnicha Ewagriusza*, „Studia Rossica” 12(2003), s. 217-221.

абсурдный и преступный – пусть эти границы только справедливость, - мы оказались на той же позиции²⁶.

Через два десятка лет в воспоминаниях, в дневнике *Серое с красным. Дневник 1940* (24 мая, четверг) она все-таки отметит свои полные разочарования и злобы, эмоциональные и радикальные чувства: „Мне не жаль Польши. Помимо того, что она погубила Диму и разделила нас (это лично), но она вела себя глупо и лживо (на свою голову) – от мира с большевиками в 20-м году...”²⁷.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на свою незаурядную личность, самостоятельность и глубину суждений, писательница в это время все-таки оставалась в тени своих знаменитых спутников, в „триумvirате” (она, муж и Философов)²⁸ и находилась на втором плане, не играла вовсе роли мэтра как в Петербурге. Ибо, если иметь ввиду заинтересованность местной прессы и общества, то Гиппиус определялась обычно, как „супруга Мережковского, известная писательница З. Гиппиус”, „Виленский Курьер”, от 16 января). Когда писательница принимала участие в литературных вечерах, между прочим, вместе с другими выступала в Минском городском театре („Виленский курьер”, № 215, 25 января), то ее сводили на задний план. Безусловно, ее популярность и известность была несравнимо ниже значения ее мужа в Польше, довольно часто переводимого на польский язык (трилогия *Христос и Антихрист*, пьесы и др.) и с интересом воспринимаемого польскими читателями²⁹. Сергей Поволоцкий, в 20-е годы только что начинающий журналист, вспоминал литературный вечер

²⁶ Г и п п и у с, *Польша 20-го года*, с. 199. В беседе-интервью в газете „Nasz Kraj” (1920, № 46) Д. Философов говорил: «Оба мы с Мережковским стоим на почве прав Польши на границы 1772 г. Признание этих прав должно быть исходным пунктом при установлении польско-российских отношений. О частностях не сужу. Знаю одно, что ввиду общей опасности, какой грозит нам большевизм, отношения между Польшей и возрожденной Россией должны быть самые дружественные» <http://www.guelman.ru/frei/dictant/Materials/Lavri nec.html>, с. 6.

²⁷ Г и п п и у с, *Серое с красным. Дневник 1940*, в: Г и п п и у с, *Ничего не боюсь*, с. 523.

²⁸ На эту тему см. В. Białokozowicz, *Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Mierzejkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Filosofow)*, w: *Kresy i pogranicza: historia, kultura, obyczaje*, Olsztyn 1995, s. 125-149; I. Obłakowska-Galanciak, *Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Filosofowa na emigracji*, Olsztyn 2001, s. 28-92.

²⁹ F. Sieliński, *Mierzejkowski w Polsce międzywojennej*, „Przegląd Humanistyczny”, 1973, nr 3, s. 116-117. См. также С. Поволоцкий, *Литературные воспоминания прошлых лет. Русские писатели в Польше. Мережковские*, http://www.russianresources.lt/archive/Povoloc/Povolocki_2.html, s. 2.

„триумvirата” и Злобина в Вильне в зале Университета Стефана Баторы (П. Лавринец утверждал в своей статье, что это был Городской зал³⁰) с участием Мариана Здоховского, где З. Гиппиус была представлена именно как супруга Мережковского, поэтесса, претенциозно читающая („завывающая”) свои стихотворения, с огромным пафосом, „шпигуя декламацию странными неожиданными паузами”. Как писал Поволоцкий, „это вызвало скрытые усмешки среди публики, в сумме, однако, магия ее знаменитого тогда имени, а прежде всего имени ее мужа, создавали успех”³¹. С. Поволоцкий упоминает еще при этом о постановке дореволюционной пьесы Гиппиус *Зеленое кольцо*, на которую он попал уже как рецензент, поставленной в Варшаве в русском Студийном театре, руководимом В. В. Васильевым-Сикевичем и его супругой Галиной Гуляницкой. Он так описывал поэтессу:

Выглядела она эффектно, но довольно необыкновенно. На ней было черное платье. Накладка из горностаев. На руках черные перчатки, украшенные золотыми перстнями [...] неестественная прическа [...] клубок змей. Зеленые, очень расширенные глаза. Перед началом спектакля она выступила лично [...] продекламировала какое-то стихотворение [...] громко воззвала „Красота спасет мир!”³².

Стоит отметить, что рецензии на пьесу *Зеленое кольцо* (1915) были в Варшаве плохие. В газете „За свободу” „появилась кисло-сладкая рецензия, не лишенная злостных акцентов М. Арцыбашева”, заявлял С. Поволоцкий³³. Из польских критиков самую мягкую, вежливую, но банальную рецензию написал Тадеуш Коньчич³⁴.

³⁰ Поволоцкий, *Литературные воспоминания прошлых лет*, с. 3-5; Лавринец, *Мережковский, Гиппиус, Философов: три Виленских интервью*, с. 3.

³¹ Там же, с. 3.

³² Там же, с. 4.

³³ З. Гиппиус, *Старая, новая и вечная*, в: Гиппиус, *Арифметика любви. Незвестная проза 1931-1939*, сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николокина, т. III, Москва, Изд. Росток: 2003, с. 470. Гиппиус вспоминает обстоятельства постановки пьесы *Зеленое кольцо* в Петербурге в 1918 г. в театре В. Мейерхольда. Упоминает также и о варшавской постановке в Студии (этой постановки писательница уже не видела). «По фотографиям трудно судить о варшавской постановке, хотя некоторые снимки очень характерны, по отзывам до нас дошедшим, молодые артисты с честью выдержали свое первое испытание». Пьеса была поставлена также 12 июня 1933 г. пражской группой МХТ в театре Монси в Париже. См. А. Н. Николокин, *Комментарии*, там же, с. 603.

³⁴ Лавринец, *Мережковский, Гиппиус, Философов*, с. 5.

Интересный подход к личности Гиппиус, созданной на основании ее *Дневников*, представляет в своей статье польская исследовательница мемуаристики З. Гиппиус, Ивона Крыцка-Михновска. Сравнивая записи помещенные в мемуарах *Польша 20-го года* и *Варшавском дневнике* и, анализируя процесс становления мемуаров как документально-художественного текста, Крыцка отображает механизм мифологизации мемуаристкой мужа, Мережковского³⁵. Как правило, писательница, по мнению Крыцкой, осознанно формирует специфический мифологизированный образ Мережковского как „замечательного человека”, незаурядного и всегда стоящего в центре политических и общественных событий³⁶. Несмотря на правильность оценки, которую предлагает Крыцка-Михновска, о художественном переосмыслении Гиппиус материалов своего дневника и их переработке в мемуары (где эссенция явно доминирует над экзистенцией), на четкие замечания по поводу сублимной интеллигентной манеры письма у писательницы, неоспоримым является тот реальный факт, что в то время поэтесса Зинаида Гиппиус оставалась в общественном восприятии тогдашних кругов в тени своего „великого” мужа, более известного и представляющего мужскую точку зрения на текущие события.

Целесообразно представить теперь эту „польскую эпопею” Мережковских как в бытовом, так и деловом планах. И так, в Варшаве они жили в варшавских гостиницах: „Краковской”, затем у евреев Френкелей и с сентября 1920 г. в гостинице „Виктория”, где проживали в общем то в тяжелых условиях (31 июля уехали в Данциг, вернулись опять в Варшаву в сентябре). Это были заодно три варшавских периода их жизни, связанные с тремя названными местами проживания, а также с духовными и деловыми предприятиями Мережковских в это время. Основные их невероятно активные занятия – это многочисленные лекции, работа над собственными литературными делами, и, прежде всего, над антибольшевистскими статьями. Мережковский окончил в Варшаве книгу о большевизме, Гиппиус удалось издать здесь в 1920 г. лишь сборник агитационных стихов с публицистической заостренностью для русского полка *Походные*

³⁵ Ср. Н. Кознова, *Особенности форм повествования в мемуарной прозе Зинаиды Гиппиус („Варшавский дневник”, „Дмитрий Мережковский”)*, в: *Słowianie Wschodni. Literatura, język, kultura*, red. B. Kodzis, M. Gieł, Opole 2010, с. 331-337.

³⁶ См. I. Krycka-Michnowska, „Polska 20. roku” i „Dziennik Warszawski” Zinaidy Gippius. *Analiza porównawcza*, „Studia Rossica” 2(2010), z. 20, s. 70-81.

песни под псевдонимом Антон Кирша³⁷. Зато живо занимала их деятельность другого рода, а именно попытки открыть газету, а затем сотрудничество с удачно открытой газетой „За свободу”, которая была основана, в конце концов в июле 1920-го года и частично субсидировалась польскими властями.

Немаловажное значение имели еще встречи с представителями русской эмиграции и с польскими аристократическими, интеллектуальными и политическими кругами, разговоры с польскими церковными иерархами, а также многочисленные визиты, целью которых было осуществление политических планов „триумvirата”. По его инициативе было создано воззвание к русской эмиграции и русским людям, объясняющее войну Польши с Советским Союзом, подчеркивающее в основном то, что Польша воюет не с Россией, а с советской властью, что Польша и Россия должны создать союз братских народов, воюющих против опасности большевизма, и притом должны преодолеть взаимную долголетнюю ненависть³⁸. Следует упомянуть при этом важный факт, что Мережковские, естественно, занимали в этой войне сторону Польши. Отголоски этого воззвания нашли отражение в знаменитом приказе Ю. Пилсудского – Верховного Главнокомандующего армии (от 5 июля 1920 г.) и в „Воззвании Совета Государственной Обороны”, где объяснялись причины польско-советской войны и шла речь о том, что:

[...] не русский народ тот враг, который бросает все новые силы в бой, этот враг – Большевизм, наложивший на русский народ иго новой, страшной тирании. Он хочет теперь и нашей земле навязать свою власть крови и мрака³⁹.

В то время Гиппиус был поручен отдел пропаганды, когда было решено формирование в Брест-Литовске русского отряда на польские средства, объявленного не официально, но под прикрытием Эвакуационного комитета (с. 217)⁴⁰, а на самом деле, как вспоминала Гиппиус, она ничего

³⁷ Б. К о д з и с, *Общественная и культурная жизнь русской диаспоры в Польше*, в: он же, *Литературные центры...*, с. 161-163.

³⁸ Ср. А. Н. Н и к о л ю к и н, *Гиппиус Зинаида Николаевна*, в: *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918-1940. Русские писатели*, Москва 1997, с. 123.

³⁹ З. Г и п п и у с, *Польша 1920-го года*, с. 219. В дальнейшем цитаты по этому изданию. Страница называется в скобках.

⁴⁰ См. К р у с к а, „*Dziennik Warszawski*” *Zinaidy Gippius*, с. 88. Б. Савинков, который возглавлял Русский Эвакуационный комитет, организовал военные отряды численности около

в этом плане не делала. В записках писательница, как правило, поместила много „личного”, т.е. бытовых и деловых описаний своих занятий и жалоб на всякие неудобства варшавской жизни. Итак, ее раздражала работа над статьями для „Свободы”, которые она писала „в хвост и гриву, даже за обедом” по заказу А. Гзовского, которого очень не любила (с. 221), ее мучили недоразумения с Б. Савинковым, явное в то время недружелюбие к нему, отсутствие свободы в работе, невозможность вообще что-то „организовать”, если у нее не было полномочий, „никакого маленького своего дела” (с. 221). Она, как это видно из ее воспоминаний, на самом деле оказалась „в пустоте”. Своеобразным лучом солнца в этой утомительной варшавской жизни Мережковских была радость по поводу того, что две недели они провели в имении сестер Ю. Чапского (польского офицера, художника, эссеиста, их знакомого еще из Петербурга), в Мордах вблизи Седльце, что описывается Гиппиус с невероятным одобрением, симпатией для почти идиллической жизни польских аристократических сфер.

Образ Польши и поляков, восприятие варшавян, с которыми знакомилась З. Гиппиус, во многом спроецирован на эту общую в то время апологию Польши во взглядах „триумвирата” и их идеалистические упования, связанные с ролью Польши. Положительна в основном также оценка польской элиты: генерал Л. Желиговский, с которым Мережковские встречались в Минске и разделяли политические позиции, — „умный, удивительно приятный, все понимающий. Он первый как-то оформил нашу задачу”, утверждая необходимость формирования в Польше русского правительства (с. 200-201). Другие поляки, в частности, К. Соснковский, М. Здеховский — профессор Виленского университета, встреченный в Вильно, у которого состоялись собрания (между прочим, лекция Мережковского о Мицкевиче, которая „попала под бойкот евреев”) — вспоминаются писательницей с уважением (с. 203). Огромную симпатию, теплые и дружественные чувства и оценки, с примесью некоей легкой иронии, вызывает в писательнице Юзеф Чапский, фамильярно определяемый Юзя, для писательницы олицетворение типа поляка: „Он ребенок — мечтатель, но очень глубокий, кажется. Типичный поляк, с лучшими их чертами. Влюблен в Пилсудского” (с. 205).

Среди встречаемых людей появляются, однако, и отвратительные лица, по мнению мемуаристки (например, Александр Гзовский, московский

80 тысяч русских добровольцев под руководством ген. И. Перемыкина и С. Булак-Балаховича (а до 1921 г. ему удалось собрать около 30 тысяч партизанов).

поляк, редактор „Минского курьера”, а потом газеты „Свобода”, „определенный хам, захолустный” – с. 198). Минск и его польские жители, в общем-то, произвели на писательнице отрицательное впечатление:

Конечно, поляки, особенно низкие служащие, вели себя по отношению к русским, глупо. Ненавидели их наравне с евреями и держали себя подчас как завоеватели, но это была мелочь, это было ничто перед тем ужасом, от которого поляки избавили Минск, взяв его у большевиков (с. 197-198).

В записках упоминается достаточно подробно о встрече Мережковского с Ю. Пилсудским, о контактах Б. Савинкова с Пилсудским. Естественно, что до поры до времени положительно писательница говорит и о Пилсудском: „Молодец Пилсудский!” (с. 219), „умный молчальник” (с. 207), „Пилсудского Д. С. видел, сидел у него час двадцать минут, и то сам ушел. Д. С. даже увлекся им, пишет восторженную статью *Иосиф Пилсудский*” (3 июля, с. 219)⁴¹. Ибо восторг и надежда на Пилсудского вытекали из того, что Мережковские видели в нем избранника Божьего для избавления мира от „безнравственного большевизма”⁴². Такое восприятие Мережковскими маршала Пилсудского подтвердил и М. Вишняк, всегда недружелюбно смотревший на Гиппиус, поясняя: „(они) узрели в маршале Пилсудском тройственный лик совершенства – воплощенную мудрость, подвиг, красоту и даже ... „Дух божий” ...”⁴³. Потом, как правило, эта высокая оценка Пилсудского у Гиппиус диаметрально меняется и переходит в разочарование. Упорное ее убеждение в правоте своих политических мнений, что вина Пилсудского неоспорима, велит ей отбросить даже объяснения Философова, одобряющего деяния польского вождя и утверждающего, в свою очередь, что Пилсудский: „Нахохлившийся большой орел”, хотя не верит в мир, войну вести не может, ибо его травят (с. 231). Проблема первичного восхищения и почти культа важной личности, а потом категоричного ее отрицания у Мережковских основана, может быть, не

⁴¹ См. Б. Кодзис, *Общественная и культурная жизнь русской диаспоры в Польше*, с. 161. После аудиенции у Пилсудского Мережковский написал статью *Юзеф Пилсудский*, о которой жена упоминает, первоначально опубликованную в газете «За Свободу», а потом в форме брошюры, и переведенную на польский (D. Miereżkowski, *Józef Piłsudski*, przeł. W. Rogowicz, Warszawa 1920), итальянский и французский языки. См. тоже: Кругска-Мицноwska, „*Dziennik Warszawski*” *Zinaidy Gippius*, с. 90.

⁴² См. Николюкин, *Гиппиус Зинаида Николаевна*, с. 123.

⁴³ Соколов, *Судьбы русской литературной эмиграции*, с. 26.

только политическими причинами, т.е. антибольшевистской ненавистью, но и самой конструкцией их психики – мириться хотя бы с самим дьяволом во имя осуществления своей цели, а если задача не получится, резко отвернуться. Подобная ситуация повторилась в случае Дуче Муссолини, с которым Мережковский встретился в 1936 г. в Риме и надеялся на многое, на разговор и ответ на другие существенные вопросы. Гиппиус так вспоминала этот „неудачный роман” мужа с Муссолини в *Итальянском дневнике* и „реверансы” мужа: „Удивительно, конечно, что и в это жаркое время М. (Муссолини) нашел-таки возможность дать Дм. свидание. [...] Все больше мнится мне, что этот самый Дуче – истинный „prédestiné”, истинный человек данной страны в данную минуту, и так – действительно большой”⁴⁴. Она, тем не менее, более сдержанно, чем Мережковский, и с сомнениями воспринимала личность этого „предназначенного” Дуче и его политику.

Сосредотачиваясь как на политической стороне действий, так и на бытовых деталях, на людях и их поведении, обсуждая свои отношения с Савинковым и Философовым, писательница отображает в свойственной ей манере – отзывчивость к людям, заинтересованность большой и малой историей, – пейзаж беспокойной Варшавы 1920 года. Впечатления мемуаристки, которая отлично знала Европу и Париж, но отнюдь не знала Польши, имеют разнообразный характер, переполнены, то ли восхищением, то ли критикой и весьма суровой оценкой всего происходящего потока жизни, иногда чуждого ей и непонятного: „Незнакомая Варшава казалась чужим и неприятным Парижем” (с. 204). „Отношение к русским – не к нам лично – было действительно неважное. Это, впрочем, естественно. Не говоря о прошлом, и здешние русские были неважные. Да и вели себя из рук вон плохо” (с. 206). Довольно ярко наблюдает писательница польские политические сложности и несогласия тогдашней эпохи: „Отмечаю, что в Польше нет единства. Аристократические круги, естественно, более правые. Очень сильна партия низов, так называемая ППС” (с. 207). Гиппиус подчеркивает обстановку царящего хаоса, ненадежности и искренне все-таки сочувствует возрожденной стране:

В Польше ощущение ненадежности, нестроения, разорения, а все-таки есть известная степень устойчивости: надо вспомнить, что перенесла она во время

⁴⁴ См. З. Гиппиус, *Итальянский дневник (1936-1937)*, в: Гиппиус, *Ничего не боюсь*, с. 510.

войны, как недавно существует, да еще в соседстве с большевиками. А они на пропаганду не скупятся (с. 207)⁴⁵.

Со смешанными чувствами писательница смотрит на польские отряды, идущие на войну с большевиками:

Польские дела делались все серьезнее. Была объявлена еще одна мобилизация. С песнями шли мимо нашего балкона новобранные, совсем мальчики, но это было и грустно, и радостно: ведь они идут бороться не с Россией: идут „за свою и нашу волю” (с. 223).

А пребывая коротко в Данциге (Гданске), так сообщает о моменте польской победы и „чуда” на Висле:

Все время ходили радостные (для немцев) слухи о взятии Варшавы. Они, однако, оказались ложными, большевики были разбиты в семи верстах от Варшавы. Знаменитое „чудо на Висле”. После этого самого „чуда” большевики стали сговорчивее, и вскоре перемирие (не без скандалов и всяких издевательств) было подписано в Минске (с. 226).

Как яростный противник мира, упорно работавший в польских кругах против мира с большевиками, Гиппиус абсолютно отрицает перемирие заключенное Пилсудским с большевиками, обвиняя несамостоятельную Польшу в подчинении Европе и ее диктату, в основном Ллойда Джоржа⁴⁶: „Почему Польша так настойчиво, почти унижительно стремилась к миру с большевиками – загадка. И так давно! Натиск обидевшей Европы – единственное объяснение” (с. 226). В *Варшавском дневнике* писала: „поляки отправили свою несчастную делегацию к Барановичам – молить издевающихся большевиков о перемирии. Что происходит? Очень странно, во всяком случае” (с. 221). В записи от 16 ноября еще раз с иронией и горечью возвращалась к „чуду на Висле”: Чему удивляться бы как „чуду” – это униженным после того, просьбам Польши мира у большевиков. Одно объяснение: „приказ Европы. И Польша не смела послушаться” (с. 231). С характерной писательнице двойственностью и антиномичностью мнений она переходит от одобрения, некоей полонофильской прослойки в своем

⁴⁵ На выставке в Варшаве (август 2010 г.) посвященной 90-й годовщине польско-большевистской войне и «чуда на Висле» были показаны многие примеры действия советской пропаганды того времени, высмеивающей польского буржуа и «пана».

⁴⁶ Ллойд Джорж (1863-1945) – политик, представитель Либеральной партии, премьер-министр Великобритании в 1916-1922 гг. Его деятельность причинилась к победе альянсов в первой мировой войне и трактату в Версале 1919 г.

первоначальном отношении к Польше и Пилсудскому, к полному разочарованию, страстной и хлесткой критике, совершенно не пытаюсь понять сложного польского положения, военного бессилия страны и плохой политики белых генералов по отношению к Польше⁴⁷. Сурово, в состоянии устойчивой травмы, Гиппиус расценивает перемирие, называя Польшу предательницей, а мир в Риге – „варшавской дрянью”: „Ну, дойдет очередь до Польши! Продала себя⁴⁸ – даже не за золото, а за большевистские и английские золотые обещания” (с. 230).

Польская эпопея с глотком свободы и упований на победу и восставление старой России, однако, превратилась, прежде всего, в трагедию писательницы в личном плане, ибо стала для нее окончательным крушением первых радостных надежд, крушением судьбы и творческих замыслов („Ведь все уже было кончено”, с. 226; „А затем нас однажды ночью через балкон обокрали”, с. 226).

Эпопея, таким образом, превратилась не только в поражение совместных политических планов Гиппиус и Мережковского, но в основном, означала для поэтессы катастрофическую потерю главного помощника и друга своей жизни, Д. Философова⁴⁹, а затем – символизировала обречение на дальнейшую жизнь вне России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абызов Ю., *Латвийская ветвь российской эмиграции*, в: *Блоковский сборник. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора*, Tartu 1996.
- Агеносов В. В., *Литература Russkogo зарубежья (1918-1996)*, Москва 1998.
- Арсеньев А., *Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920-1944 гг.*, в: *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных*

⁴⁷ Ср. К р у с к а, „*Dziennik Warszawski*” Zinaidy Gippius, s. 91.

⁴⁸ Оказывается, что польское правительство после подписания Польшей мира с Советами воспретило критиковать большевистскую власть под угрозой высылки из Польши.

⁴⁹ К р у с к а, „*Dziennik Warszawski*” Zinaidy Gippius, с. 94; см. тоже Г и п п и у с, *Эмиграция 1920-1941*, в: *Ничего не боюсь*, с. 228.

- исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Сборник докладов, Praha 1995.
- Берташ А. В., *Православная Варшава в 1920-1930-е гг.*, в: *Зарубежная Россия. 1917-1939. Книга 2. „Лики России”*, Санкт-Петербург 2003.
- Гиппиус З., *Арифметика любви. Неизвестная проза 1931-1939*, т. III, Москва 2003.
- Гиппиус З., *Ничего не боюсь*, Москва 2004.
- Демидова О., *Русская эмиграция в Польше (1919-1944) (Из архива А. П. Вельмина)*, „*Slavia Orientalis*” 49(2000), nr 2.
- Звонарева Л., *Европа и Россия в 1920 году: Взгляд из Варшавы Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского*, „*Studia Rossica*” 2000, z. 10.
- Иваск Ю., *Письмо из Ревеля. Публикация А. Данилевского*, в: *Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация*, Tartu 1997.
- Кодзис Б., *Литературные центры русского зарубежья (1918-39)*, München 2002.
- Кознова Н., *Особенности форм повествования в мемуарной прозе Зинаиды Гиппиус („Варшавский дневник”, „Дмитрий Мережковский”)*, в: *Słowianie Wschodni. Literatura, język, kultura*, Opole 2010.
- Млечко А. В., *Литературная, культурная и общественная жизнь русского зарубежья (1920-1930-е годы): течения, объединения, периодика и издательские центры*, в: *Литература русского зарубежья (1920-1990). Учебное пособие*, Москва 2006.
- Робкова Е. Б., *Русские в Польше в 20-е гг.*, в: *Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения*, Москва 1997.
- Рогозинская О., *Русская литературная эмиграция в межвоенной Польше*, „*Studia Rossica*” 1996, z. 3.
- Савицкий И., *Этапы развития пражской русской эмиграции в 1919-1939 гг.*, в: *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Сборник докладов*, Praha 1995.
- Симонова Т. М., *Российская диаспора в Польше в 1920-1924 гг.*, в: *Национальные диаспоры в России и за рубежом XIX-XX вв.*, Москва 2001.
- Соколов А. Г., *Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов*, Москва 1991.
- Białokozowicz B., *Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Mereżkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Filosofow)*, w: *Kresy i pogrnicza: historia, kultura, obyczaje*, Olsztyn 1995.
- Крыска I., „*Dziennik Warszawski*” Zinaidy Gippius, „*Studia Rossica*” 2003, z. 13.
- Крыска-Мичновска I., *O dziennikach Zinaidy Gippius*, „*Studia Rossica*” 2006, z. 17.
- Крыска-Мичновска I., „*Polska 20. roku*” i „*Dziennik Warszawski*” Zinaidy Gippius. *Analiza porównawcza*, „*Studia Rossica*”, *Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, 2010, z. 20.

- Krycka-Michnowska I., *Polska i Polacy w emigracyjnych dziennikach Zinaidy Gippius*, w: *Słowianie Wschodni na emigracji. Literatura – kultura – język*, red. B. Kodzis, M. Giej, Opole 2010.
- Kulczycka-Saloni J., *Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia*, „Przegląd Humanistyczny” 1993, nr 1.
- Obłąkowska-Galanciak I., *Из истории русской эмиграции. Проект литературной академии*, „Studia Rossica” 1997, z. 5.
- Obłąkowska-Galanciak I., *Из истории русской эмиграции („Тaverna поэтов”. Варшава 1921-1925)*, „Studia Rossica” 1996, z. 3.
- Sielicki F., *Mierieżkowski w Polsce międzywojennej*, „Przegląd Humanistyczny” 1973, nr 3.
- Skrunda W., *Zamysł poematu Lwa Gomolickiego Warszawa” w świetle inwektyw Karola Radka i nauk mnicha Ewagriusza*, „Studia Rossica” 2003, z. 12.

ZINAIDA GIPPIUS O POLSKIEJ EPOPEI 1920 ROKU

Streszczenie

W artykule analizuje się sytuację emigrantów rosyjskich w Polsce w latach 1919-1920, tworzących diasporę rosyjską (liczebność jej w latach 20. i 30. jest szacowana różnie, od 10 tys. do 140 tys. Rosjan łącznie z mniejszością rosyjską). Na przykładzie wspomnień Zinaidy Gippius, która wraz z mężem, Dymitrem Mierieżkowskim przebywała w Bobrujsku, Mińsku i Wilnie, wówczas polskich miastach, oraz w Warszawie, od końca grudnia 1919 do października 1920 roku, przytacza się w artykule obraz ówczesnej Warszawy, polskich elit, pozytywny portret Polaków (L. Żelichowski, J. Czapski, M. Zdziechowski), wreszcie atmosferę wojny polsko-sowieckiej w subiektywnym ujęciu pisarki. Materiał wspomnieniowy, budowany na podstawie *Dziennika Warszawskiego* oraz notatek *Polska 1920*, układa się w swoisty paradygmat świadectwa i osobistego zapisu Gippius. Ukazuje nie tylko sytuację politycznych planów emigrantów rosyjskich (walka z bolszewizmem przy pomocy J. Piłsudskiego), ale równocześnie odśladanie indywidualne doświadczenie i intymne przeżycia pisarki. Z. Gippius zaprezentowała w swych wspomnieniowych notatkach ewoluujący stosunek do Polski i Polaków, od podziwu i związanych z Polską nadziei na wyzwolenie Rosji spod władzy bolszewików, do totalnego i surowego potępienia Polski zdrączyjni za podpisanie pokoju z sowietami. Warszawska epepeja przerodziła się w refleksji Gippius zarazem w jej osobistą porażkę po rozstaniu z przyjacielem D. Filosofowem, który na zawsze pozostał w Warszawie.

ZINAIDA GIPPIUS ON THE POLISH HISTORY OF THE 1920

Summary

This paper is an analysis of the status quo of Russian emigrants to Poland in the years 1919-1920. The Russian diaspora in Poland was calculated at 10 up to 140 thousand in the years 1920s and 1930s – the Russian minority in Poland included. A positive portrait of the inter-war Warsaw, and the selected representatives of the Polish intellectual elites (L. Żelichowski, J. Czapski, M. Zdziechowski) depicted in the memoirs of Zinaida Gippius are presented in the paper. Gippius, accompanied by her husband Dymitr Merezhkovski, lived in Bobruysk, Minsk and Vilnius – cities that were Polish at that time. She also stayed in Warsaw between late December 1919 until October 1920. The memoirs also contain Gippius's personal view of the atmosphere of the Polish-Soviet armed conflict. Her memoirs are based on the journalist texts from *Dziennik Warszawski* (Warsaw Daily) and her own notes in *Polska 1920*, giving a personal insight into historical facts. The memoirs disclose the political plans of the Russian emigration to Poland (struggle against Bolshevism with the help of J. Pilsudski), but they also present a rich personal plane of the author's own intimate life and experiences. Z. Gippius's attitude towards Poland, as seen in her work, evolved from admiration and hopefulness for successful liberation of Russia from the Bolshevik rule towards a total and severe condemnation of Poland on its signing a peace treaty with the Soviets. The Warsaw war epos of the 1920 was also marked with Gippius's personal loss. She left Warsaw leaving behind a friend, D. Filosofov, who decided on a permanent stay in Poland.

Słowa kluczowe: Zinaida Gippius, Warszawa, Polska 1920 r., wspomnienia, obraz Polski i Polaków.

Ключевые слова: Зинаида Гиппиус, Варшава, Польша 1920 г., воспоминания, образ Польши и поляков.

Key words: Zinaida Gippius, Warsaw, Poland of the 1920s, memoirs, portrait of Poland and Poles.